

In this article authors reveal on the various kinds of procedural agreements through different branches of Russian procedural law.

Keywords: settlement agreement; civil procedure; criminal procedure; the arbitrazh (commercial) procedure.

С развитием отечественного правового регулирования, углублением его дифференциации усиливается степень взаимодействия материального и процессуального права. Например, в рамках проводимой реформы гражданского законодательства это можно наблюдать в Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации¹ (далее – Концепция). Так, значительное число положений Концепции указывает на существование традиционно тесных связей гражданского права и ряда отраслей процессуального права². Подобные связи проявляются по нескольким направлениям, подразделяющимся по тем процессуальным правовым сферам, с которыми взаимосвязано гражданское право.

1. *Межотраслевые связи гражданского права с арбитражным и гражданским процессуальным правом.* Например, в случае принятия предложения, сформулированного в п. 4.2.4 разд. II Концепции (об установлении единого оспаривания решения собрания, о допущении соответствующего коллективного обращения заинтересованных лиц в суд в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством), потребуются некоторые дополнения в процессуальное законодательство.

В данной ситуации межотраслевая связь гражданского права и отмеченных отраслей процессуального права усматривается во влиянии гражданско-правовой сферы на процессуально-правовую. Также рассматриваемая связь гражданского и процессуального права отражена в предлагаемых новых нормах о бремени доказывания (о бремени доказывания добросовестности истца при оспаривании крупных сделок и сделок с заинтересованностью хозяйственных обществ по п. 4.2.6 разд. III Концепции и др.).

Будущее (перспективное) воздействие гражданского права на процессуальное право проявляется и в содержании п. 1.1.7 разд. VI Концепции. Здесь, в частности, указано, что в процессуальном законодательстве и законодатель-

¹ См. www.privlaw.ru.

² Подробнее о проблематике межотраслевых связей в Концепции см.: *Челышев М.Ю., Валеев Д.Х. Вопросы межотраслевых связей гражданского права в Концепции развития гражданского законодательства России // Роль гражданского права в современных экономических условиях России и других стран СНГ. Тенденции и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции: В 2 т. (Москва, 7–8 декабря 2009 г.) / Под ред. Т.Е. Абовой. Т. I. М.: Институт государства и права РАН, 2010. С. 65–75.*

стве о нотариате необходимо урегулировать оформление перехода прав на ценные бумаги в порядке общего правопреемства и при реализации имущества посредством публичной продажи, например в результате продажи ценных бумаг с публичных торгов судебным приставом-исполнителем.

2. *Межотраслевые связи гражданского права с областью правовой регламентации альтернативных способов разрешения споров.* Названная область является комплексной, межотраслевой сферой правового регулирования, где органично сочетаются материальное и процессуальное право. Концепция, по сути, поддерживая идею развития альтернативных способов разрешения споров, предлагает установить новые правила о приостановлении сроков исковой давности, связанных с применением указанных способов (п. 7.6 разд. II Концепции). Тем самым будет оказано положительное влияние на обозначенную комплексную область правового регулирования, т.е. гражданское право окажет положительное воздействие на смежную правовую сферу.

3. *Межотраслевые связи гражданского права и исполнительного процессуального права, опосредующего область исполнительного производства.* Данная область двояко связана с гражданским правом. С одной стороны, в исполнительном производстве для достижения его цели используются гражданско-правовые средства (торги и др.). Соответственно, с учетом того, что гражданское законодательство и законодательство об исполнительном производстве – это разные отрасли законодательства, здесь возможны коллизии, обусловленные, в частности, дублированием норм. С другой стороны, принудительное осуществление субъективных гражданских прав зачастую просто не мыслится без исполнительного производства, которое в таком случае выступает в виде специальной стадии названного осуществления. Иными словами, здесь уже сфера исполнительного производства влияет на гражданское право.

Обе разновидности указанных связей можно видеть в Концепции. Так, Концепция предлагает одинаковые решения для смежных ситуаций в области гражданского права и исполнительного производства. Скажем, в п. 3.1.2 разд. V Концепции обоснованно утверждается необходимость сохранения в ГК РФ и Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Федеральный закон об исполнительном производстве) норм, позволяющих использовать заложенное имущество для удовлетворения требований кредиторов первой и второй очередей преимущественно перед требованиями залогодержателей. Также в п. 2.4.3 разд. VI Концепции предлагается унифицировать подходы к очередности списания денежных средств со счета с очередностью удовлетворения требований кредиторов, установленной для случаев несостоятельности и ликвидации юридического лица, а также в исполнительном производстве. Общий подход здесь таков: после удовлетворения требований кредиторов первой и второй очередей все остальные платежи осуществляются в порядке календарной очередности.

Вторая разновидность связей гражданского права и области исполнительного производства, когда имеет место влияние последнего на гражданское право, усматривается из содержания п. 6.9 разд. V Концепции, где предлагаются изменения ст. 417 ГК РФ (о прекращении обязательства вследствие издания акта государственного органа). В этой статье ГК РФ планируется, в частности, указать, что обязательство не подлежит прекращению в случаях, когда невозможность исполнения вызвана изданием акта публичного органа в связи с неправомерными действиями (бездействием) должника (например, при наложении ареста на его имущество в порядке исполнительного производства). Кроме того, содержание п. 8.1 и 8.6 разд. V Концепции, касающееся развития правил ГК РФ о публичных торгах, также свидетельствует о влиянии области исполнительного производства на гражданское право.

Все отмеченные выше ситуации взаимосвязей материального и процессуального права свидетельствуют о проходящих в системе отечественного права довольно сложных процессах конвергенции частного и публичного права, в том числе гражданского права и процессуальных правовых отраслей. Так, в частности, как справедливо указано Н.М. Коршуновым, «частноправовой метод регулирования все более проникает и в процессуальные отношения, обеспечивая воздействие волеизъявления частных лиц на их возникновение, изменение и прекращение»¹.

Одним из проявлений обозначенной конвергенции выступает взаимное влияние гражданского права и процессуальных правовых отраслей, включая и отрасли цивилистического процесса², выраженное в том числе и в применении непосредственно в процессуальной сфере различного рода договорных конструкций. Например, стоит полностью согласиться с Н.М. Коршуновым в том, что к частноправовым средствам, используемым в отмеченной области, следует отнести, в частности, досудебные соглашения о сотрудничестве (сделки с правосудием)³. Скажем, в ст. 5 УПК РФ дано определение обозначенного соглашения. Это соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. По сути дела, речь идет о специфическом про-

¹ См.: Коршунов Н.М. Конвергенция частного и публичного права: проблемы теории и практики. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 228.

² В научной и научно-практической литературе довольно широко используется такой термин, как «цивилистический процесс». Им обозначаются все процессуальные правовые сферы, кроме уголовно-процессуальной. Конечно, данное выражение весьма условно, поскольку в «орбиту» такого процесса попадает не только рассмотрение собственно гражданско-правовых споров, но и других категорий дел, не носящих собственно гражданско-правового характера: из публичных правоотношений и др.

³ Коршунов Н.М. Указ. соч. С. 228.

явлении обозначенной конвергенции – об одной из разновидностей процессуальных соглашений среди тех, которые представлены в области уголовного процесса. Думается, что применительно к подобным явлениям в процессе наиболее правильно употреблять именно термин «соглашение», что формально позволит отграничить эти правовые конструкции от гражданско-правовых договоров¹.

Названное выше взаимное влияние выражается, с другой стороны, в том, что сам гражданско-правовой договор может быть осложнен тем или иным процессуальным элементом. Пожалуй, наиболее ярким случаем тут является мировое соглашение. Хорошо известно, что при рассмотрении судом гражданско-правового спора такие права и обязанности гражданско-правового характера могут следовать из заключенного сторонами и утвержденного судом мирового соглашения (гл. 15 АПК РФ). Данный вывод подтверждается положениями ст. 140 АПК РФ, где, в частности, закреплены правила о содержании мирового соглашения. Подобное соглашение, например, может содержать следующие гражданско-правовые условия: о прощении долга, его признании, об уступке прав требования и пр. Соответственно, подтверждается вывод, о котором речь пойдет ниже, что мировое соглашение по гражданско-правовому спору есть, по существу, договор, но облеченный в специфическую процессуальную форму.

Можно наблюдать и такое явление, когда процессуальная сфера оказывает существенное воздействие на материально-правовую область. Например, формирование отдельных условий гражданско-правовых договоров может осуществляться под влиянием некоторых норм АПК РФ. Такие условия могут быть использованы сторонами договора для цели охраны своих субъективных прав. Открывает перечень указанных норм ч. 5 ст. 4 АПК РФ, из которой следует возможность сторон установить в договоре правила о досудебном порядке урегулирования всех или части споров по данному договору. Далее, взаимосвязь норм АПК РФ и содержания гражданско-правового договора прослеживается в ч. 4 ст. 36 АПК РФ. Здесь определено, что иск, вытекающий из договора, в котором указано место его исполнения, может быть предъявлен также в арбитражный суд по месту исполнения договора. Однако тут, на наш взгляд, остается открытым вопрос о том, что понимать под местом исполнения договора. Дело в том, что ГК РФ использует категорию «место исполнения обязательства» (ст. 316 ГК РФ), а не договора. Поскольку из договора может следовать не одно, а несколько обязательств, то, соответственно, место исполнения договора в каждом конкретном договоре для разных ситуаций может быть определено по-разному.

¹ В то же время не будет ошибкой и обозначение их в качестве процессуальных договоров, поскольку из цивилистики хорошо известно, что наименование той или иной гражданско-правовой договорной конструкции важно, но тем не менее в соотношении с ее содержанием, как правило, не имеет сколько-нибудь решающего значения.

Договорное условие может возникнуть и под влиянием ст. 37 АПК РФ о договорной подсудности. Кроме того, из ч. 3 ст. 75 АПК РФ вытекает правило о возможности установления в договоре случаев и порядка (процедуры) допуска в качестве письменных доказательств документов, полученных посредством факсимильной, электронной или иной связи, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также документов, подписанных электронной цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи. Наряду с этим предписание ч. 1 ст. 82 АПК РФ может вызвать к жизни положение договора о назначении в том или ином случае экспертизы. Также содержание ч. 4 ст. 110 АПК РФ позволяет сторонам определить условие о распределении судебных расходов.

Влияние на договор может оказывать и ст. 148 АПК РФ в части своих положений о третейской оговорке (условие о передаче спора на разрешение третейского суда). Схожий вывод может быть сделан и в отношении ст. 183 АПК РФ, где предусматривается возможность установления в договоре случаев и размеров индексации денежных сумм, которые присуждаются судом.

В целом можно говорить о достаточно широком проникновении в арбитражный процесс договорных элементов¹. Так, содержание ст. 148, ч. 4 ст. 160, ч. 3 ст. 162, ст. 249 АПК РФ позволяет сделать вывод о существовании так называемых арбитражных процессуальных соглашений. Например, ч. 3 ст. 162 АПК РФ допускает существование соглашений лиц, участвующих в деле, о договоренностях по обстоятельствам дела. Все отмеченные соглашения, на наш взгляд, уместно подразделить на две группы. Во-первых, это чисто процессуальные соглашения: например, сюда можно отнести соглашение в деле с участием иностранного лица об определении компетенции арбитражных судов в РФ (ст. 249 АПК РФ). Во-вторых, это материально-правовые соглашения, облеченные в процессуальную форму. Как представляется, основным таким соглашением выступает мировое соглашение.

Аналогичные явления можно встретить и в области действия гражданского процессуального права, когда содержание норм последнего оказывает известное влияние на гражданско-правовой договор. В частности, с договором связаны отдельные правила о подсудности по выбору истца (ст. 29 ГПК РФ). Согласно ч. 9 ст. 29 ГПК РФ иски, вытекающие из договоров, в которых указано место их исполнения, могут быть предъявлены также в суд по месту исполнения такого договора. Из содержания ГПК РФ (ст. 131, 132, 135, 222), так же как и из АПК РФ, вытекает возможность сторон договора закрепить в нем правила о досудебном порядке урегулирования спора. В целом же сравнительный анализ АПК РФ и ГПК РФ в рассматриваемом контексте приводит

¹ См.: Валеев Д.Х. Договор в отраслях цивилистического процесса: приглашение к дискуссии // Правоведение. 2007. № 6. С. 65.

к следующему выводу: влияние арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства на гражданско-правовой договор происходит по одинаковым с содержательных позиций направлениям (в части правил о досудебном порядке урегулирования спора по договору, о договорной подсудности и пр.). Однако в указанных случаях явно различается уровень влияния: гражданское процессуальное законодательство в меньшей степени, чем арбитражное процессуальное законодательство, оказывает влияние на соответствующую договорную практику.

Договор как одно из средств правового регулирования применяется и в сфере исполнительного производства. Здесь могут быть использованы разные гражданско-правовые сделки, в частности договоры купли-продажи, хранения имущества должника. Наряду с этим в области исполнительного производства может быть применен и договор возмездного оказания услуг¹. Конечно, использование договорных форм в исполнительном производстве во многом ограничено его публично-правовым характером.

Довольно специфическим актом договорного характера, применяемым в исполнительном производстве, является мировое соглашение. Оно имеет обозначенную выше комплексную правовую природу, выступая одновременно и процессуальным соглашением, и соглашением с известным материально-правовым содержанием. Оценивая такие соглашения, заключаемые по гражданско-правовым спорам, в литературе обращается внимание на совместное применение в рамках обозначенных мировых соглашений положений материального и процессуального права², а также замечается, что это гражданско-правовая сделка, совершенная в особой процессуальной форме³.

О наличии в исполнительном производстве сделочных (договорных) инструментов позволяет утверждать, в частности, содержание ст. 87 действующего Федерального закона об исполнительном производстве, посвященной реализации имущества должника. Здесь обращается внимание на специфику совершения отчуждательных сделок, связанных с реализацией указанного имущества, прежде всего сделок купли-продажи.

В итоге исследования конвергенции гражданского права и отраслей цивилистического процесса применительно к общей правовой конструкции договора нужно сделать вывод о трех формах выражения данного явления. Во-первых, это разного рода процессуальные соглашения, а во-вторых,

¹ См., например, образец договора об оказании услуг по оценке арестованного имущества в работе: Настольная книга судебного пристава-исполнителя: Справочно-методическое пособие / Отв. ред., проф. В.В. Ярков. М.: Изд-во «БЕК», 2000. С. 304–309.

² Кузбагаров А.Н., Кузбагарова В.А. Примирение сторон в исполнительном производстве: Монография. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2005. С. 8.

³ Костюшин Е.К. Гражданско-правовые сделки в исполнительном производстве: Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 12–13.

гражданско-правовые договоры, осложненные процессуальным элементом. Такие договоры можно еще именовать договорами с процессуальным эффектом. В-третьих, самостоятельное место в рассматриваемой классификации в силу охарактеризованной специфики правовой природы занимают мировые соглашения и соглашения, применяемые для организации альтернативных форм разрешения споров.

В первой ситуации речь идет о сутубо процессуальных правовых явлениях. Их нужно исследовать как в соответствующих отраслевых юридических науках, так и в теории права, причем если в процессуальных науках анализируются дифференцирующие признаки данных соглашений, то в рамках теории права можно выделять и общие признаки отмеченных правовых конструкций. Конечно, имеется несомненная ценность таких исследований и для цивилистики, и для области цивилистического процесса. Она, например, состоит в уяснении возможностей зачастую применяемого для формирования правовых моделей процессуальных соглашений метода правового заимствования¹ – переноса в публично-правовую сферу (с рядом модификаций) тех или иных гражданско-правовых договорных конструкций. Применительно к рассматриваемым процессуальным соглашениям в настоящее время можно утверждать, что в процессуальной науке назрела необходимость комплексного изучения данных конструкций, в том числе и с использованием достижений цивилистики.

Во второй ситуации при изучении гражданско-правовых договоров, осложненных процессуальным элементом, наоборот, проводится гражданско-правовой научный анализ. Подобный анализ с использованием межотраслевого метода юридических исследований позволяет решать чисто цивилистическую задачу – уяснение специфики гражданско-правового договора, складывающейся под влиянием ряда норм процессуального права, применимых в договорных отношениях.

В третьей ситуации имеет место комплексное, межотраслевое правовое явление, юридическую природу которого нельзя охарактеризовать как исключительно процессуальную или материально-правовую. По сути, такая комплексность свидетельствует, что эти соглашения (мировые соглашения и соглашения, применяемые для организации альтернативных форм разрешения споров) занимают промежуточное место между процессуальными соглашениями и гражданско-правовыми договорами с процессуальным эффектом.

В то же время при всем различии процессуальных соглашений и гражданско-правовых договоров, осложненных процессуальным элементом, а также обозначенной «промежуточной» договорной формы в изучаемых договорных

---

¹ Подробнее о данном методе см.: *Чельшев М.Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: Дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2008.

явлениях можно выделить одну общую черту – ярко выраженное организационное начало. Таким началом выступает направленность договора (его «процессуальной» части) на организацию защиты субъективных прав конкретных лиц (сторон договора). В свою очередь, названная организация защиты представляет собой установление тех или иных процедур такой защиты (отдельных элементов данных процедур). Если же брать лишь чисто процессуальные соглашения, а также отдельные соглашения о внесудебных процедурах разрешения споров, например соглашение о применении процедуры медиации, то, на наш взгляд, верно утверждение, что все они являются организационными договорами¹.

Все изложенное свидетельствует о целесообразности выработки *общей теории процессуальных соглашений*, т.е. общего, межотраслевого учения о сущности данных правовых конструкций. Такая теория должна быть межотраслевой, что выражено как минимум в двух аспектах. Во-первых, в ее рамках целесообразно опираться на достижения как цивилистики, теории права, так и соответствующих процессуальных наук. Во-вторых, эта теория предполагает изучение процессуальных соглашений и смежных с ними правовых явлений, встречающихся в различных правовых сферах, прежде всего в процессуальных отраслях, а также на стыке материального и процессуального права. Одна из центральных задач отмеченной теории – это выявление общих и дифференцирующих признаков процессуальных соглашений, их систематизация.

Общая теория процессуальных соглашений в итоге ее разработки должна включать в себя два блока (раздела): отраслевой (особенная часть) и общий (межотраслевой – общая часть). Если в первом разделе исследуется и выявляется отраслевая, т.е. дифференцирующая, специфика процессуальных соглашений, а также смежных правовых явлений, то во втором – уже их общие, унифицирующие признаки. Кроме того, в общую часть учения о процессуальных соглашениях необходимо включать и положения о методологии научного познания процессуальных соглашений.

Важным элементом особенной части теории процессуальных соглашений выступает система идей и представлений о процессуальных соглашениях в уголовном судопроизводстве, которая позволяет сформировать общую модель процессуального договора, применяемую в данной сфере. Первоначально обратим внимание на генезис проблематики процессуальных договоров в уголовном судопроизводстве. Заключение процессуального договора может стать универсальным средством обеспечения прав личности с момента начала уголовного преследования. Как отмечает О.А. Зайцев, Концепция

---

¹ О сущности подобных договоров с точки зрения гражданского права см.: Морозов С.Ю. Система транспортных организационных договоров. М.: Норма, 2011.

государственной защиты субъектов уголовно-процессуальной деятельности является одним из элементов системы оптимальной защиты обществом своих интересов¹. В связи с этим проблема создания механизма государственной защиты на стадии предварительного расследования является приоритетной и своевременной.

Современные представления о процессуальных процедурах в уголовном процессе зачастую приобретают «расплывчатые» очертания – и не только в связи возможностью их применения по правилам процессуальной аналогии². Интересно в связи с этим исследование А.Х. Гольмстена, который создал теорию о принципе тождества в гражданском процессе, позволяющую по-новому взглянуть на процессуальные отношения³. А.Х. Гольмстен предположил, что существует некое спорное материальное правоотношение как повод возникновения и дальнейшего существования процессуального отношения. Однажды возникнув, оно может продолжить свое существование лишь под условием сохранения спорным правоотношением своего внутреннего тождества⁴.

Уголовный процесс может внезапно вторгнуться в нормальное течение жизни любого человека: повесткой явиться на допрос, телефонным звонком – приглашением на беседу с оперуполномоченным, осмотром места происшествия, обыском в служебном или жилом помещении⁵, задержанием, арестом, применением иных мер принуждения.

Генезис принципа безопасности в уголовной юстиции уходит в глубину веков. С конца X в. в русском праве под воздействием византийского права возникает новая система преступлений и наказаний, где на первый план выдвигается публичный вред преступлением как нарушением порядка общегития⁶. В условиях публичных правоотношений государство берет на себя

¹ Зайцев О.А. Государственная защита участников уголовного процесса. М.: Экзамен, 2003. С. 76.

² Постановление КС РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П // Решения Конституционного Суда РФ по делам о проверке конституционности уголовного и уголовно-процессуального законодательства России. 1995–2001 гг. / Сост. Н.Т. Ведерникова и А.Н. Ткач. М.: Палеотип, 2002. С. 155–165.

³ Гольмстен А.Х. Принцип тождества в гражданском процессе. СПб.: Типография Правительствующего Сената, 1884. С. 14–15.

⁴ «Сила процессуальных норм никогда не может простираться на материальные отношения, сила материально-правовых норм не может простираться на процессуальные отношения» – писал А.Х. Гольмстен (Гольмстен А.Х. Указ. соч. С. 5–15).

⁵ В литературе, в частности, отмечалась высокая активность следственно-оперативной группы при многочасовых обысках со всеми вытекающими последствиями (см.: Россинский С.Б. Обыск в форме специальной операции. М.: Закон и право, 2003. С. 137).

⁶ Сидоркин А.И. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв.: проблемы правового регулирования, систематизации и применения. Казань, 2005. С. 11.

ответственность обеспечить прежде всего неприкосновенность и охрану личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства.

На известных исторических судебных процессах XIX–XX вв. к обвиняемым и свидетелям применялись доступные меры обеспечения безопасности¹. Ш.-Л. Монтескьё отмечал, что политическая свобода заключается в безопасности гражданина. Особое значение он придавал доброкачественности уголовных законов и судопроизводства. Анализируя политические воззрения Ш.-Л. Монтескьё, академик В.С. Нерсисянц отмечал его интерес к судебным процедурам в такой степени, чтобы они содействовали целям реализации закона, но не превращались в препятствие для этого².

Следует прислушаться к мнению Э.М. Мурадыян о том, что чем легче процедура, тем выше риск судебной ошибки и ответственность судьи за обвинительные выводы и решения³. Проведенное еще в 1998 г. Л.В. Брусницыным исследование показало: 96% следователей отметили, что для обеспечения безопасности лица, оказывающего содействие следствию, реальной возможности у правоохранительных органов нет⁴. В свою очередь осуществленные Н.Г. Муратовой в 2004 г. исследования показали, что общий процент признания судом процессуальных действий и решений на стадии досудебного производства незаконными и необоснованными составлял 33,3%. Анализ статистических данных прокурорского надзора за тот же период показал, что прокуроры удовлетворяют 30,6% жалоб при расследовании уголовных дел⁵. Таким образом, представляется, что решение проблемы законности судебных процедур (эффективности судебных решений, их исполнения и преюдиции) и ее значения в обеспечении государственной защиты прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве должно иметь концептуальную основу, солидную эмпирическую базу и четкую законодательную регламентацию.

¹ Судебный процесс Ф.А. Путвинского с К.И. Огаревым // Стенографический отчет публичных заседаний Правительствующего Сената. СПб., 1859. С. 11; Судебный процесс по делу о похищении в Казани Явленной Чудотворной иконы Казанской Божьей Матери. Полный стенографический отчет с приложением всех Судебных речей // Православный собеседник. Казань: Центральная типография, 1904. С. 4–5.

² Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М.: Норма, 2005. С. 476–477.

³ Мурадыян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов): Монография. М, 2003. С. 26.

⁴ Брусницын Л.В. Правовое обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: временной и субъективный аспекты // Государство и право. 1998. № 9. С. 55–56.

⁵ Муратова Н.Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 27. В 1996 г. прокуроры удовлетворили 21,7% жалоб по вопросам следствия и дознания (см. подробнее: Демидов И.Ф. Обеспечение прав человека в сфере борьбы с преступностью // Законность в Российской Федерации. М., 1998. С. 143).

Так, в Постановлении КС РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П отмечается, что появление в регулировании уголовного судопроизводства нормативных положений, противоречащих УПК РФ, может создать неопределенность в правовом положении участников судопроизводства, привести к нарушениям прав и законных интересов граждан и в конечном итоге к дестабилизации единого правового пространства в сфере уголовного судопроизводства¹.

Теперь остановимся на текущем состоянии рассматриваемой проблемы. Безусловно, терминологически использование словосочетания «процессуальный договор» может казаться, как уже отмечалось выше, небезупречным. Но тем не менее оно применяется все больше и больше, хотя как институт уголовно-процессуального права процессуальный договор не рассматривался и не рассматривается. Напротив, в гражданском праве глубокие исторические корни, восходящие к римскому частному праву, обеспечили договорному праву успешное существование в виде соответствующего подразделения гражданского права (подразд. 2 части первой и гл. 30–58 части второй ГК РФ). Гражданский процесс более оптимистичен в плане формулирования общей теории процессуальных договоров (о чем свидетельствуют весьма интересные публикации о соглашениях в цивилистическом процессе², процессуальном договоре в гражданском процессе других стран³, о взаимодействии частного и публичного права при определении сущности процессуального договора⁴ и др.), чем уголовный процесс (см. публикации об освобождении от уголовной ответственности⁵, о досудебном соглашении (В.В. Азаров, А.П. Гуськова, В.А. Лазарева, З.З. Зинатуллин, Д.Т. Арабули и др.), о мировом соглашении (Н.И. Газетдинов, Л.А. Воскобитова и др.), о «сделке с правосудием» при согласии обвиняемого с обвинением (А.Ю. Епихин, Л.М. Володина, Л.Г. Татьяна, А.Д. Прошляков и др.), о выплате вознаграждения за инфор-

¹ Постановление КС РФ от 19 июня 2004 г. «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 УПК РФ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2004. 7 июля. № 143. С. 11.

² См.: Курочкин С.А. Соглашения в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2012. № 3. С. 52–72.

³ Брановицкий К.М. Процессуальный договор в доктрине гражданского процесса ФРГ // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 12. С. 30–32.

⁴ Белоглазев А.И. Арбитраж, *ordre public* и уголовное право: взаимодействие международного и национального частного и публичного права: В 3 т. Т. 1. Киев: Таксон, 2009. С. 174–178.

⁵ См.: <http://www.rospress.com/crime/7981> (информация о том, что Мераб Гогия, отбывающий наказание в ИК-3 УФСИН по Республике Марий Эл, в свое время избежал уголовного преследования, заключив с грузинским правосудием процессуальный договор и заплатив в государственную казну по миллиону долларов за себя и свою жену Эку Чеишвили); С 30 мая по 10 июня 2011 г. в Татарстане пройдет акция «Прошай, оружие». Добровольно сдавшим обещают освобождение от уголовной ответственности и премии // Вечерняя Казань. 2011. 27 мая. № 60–61 (4181–4182) (<http://www.evening-kazan.ru/articles/abzac-inform-27052011.html>).

мацию о преступлении или лице, его совершившем (в основном – по резонансным преступлениям)).

В то же время всем памятно решение Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) по делу «Гусинский против России» (дело № 70276/01, окончательное решение от 19 мая 2004 г.). Заявитель, г-н Гусинский, утверждал, что оба уголовных дела против него были возбуждены без законных оснований. ЕСПЧ применил понятие «разумного подозрения объективного наблюдателя», рассмотрел термины «исключительные обстоятельства» и «законность задержания». Г-н Гусинский жаловался, что его задержание связано с намерением властей вынудить его продать свой бизнес на неблагоприятных условиях, о чем говорит подписанное им во время нахождения под стражей соглашение. По мнению ЕСПЧ, уголовное преследование и арест не должны использоваться для коммерческих целей. Факты о том, «что Газпром просил заявителя, г-на Гусинского, подписать «июльское соглашение», когда он был в тюрьме, что государственный министр подтвердил такое соглашение своей подписью и что следователь позже осуществил это, прекращая обвинение, настойчиво предполагают, что судебное преследование заявителя использовалось, чтобы запутать его». ЕСПЧ постановил о нарушении ст. 5 и ст. 18 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и обязал отвечающее государство заплатить заявителю 88 тыс. евро в возмещение затрат и расходов¹.

Таким образом, проблема процессуального договора в уголовном судопроизводстве имеет реальные историко-правовые и законодательные перспективы, а сам институт процессуального договора претендует на определение его в качестве основания для возможных процессуальных процедур после заключения такого договора на различных стадиях уголовного процесса.

Далее остановимся на модели процессуального договора по УПК РФ 2001 г. Представляется, что применяемая законодательная модель процессуальных соглашений предполагает следующие процедуры: первая – процессуально-восстановительная: а) мировой судья разъясняет сторонам возможность примирения (ч. 5 ст. 319 УПК РФ), и если оно не достигнуто, то мировой судья назначает рассмотрение уголовного дела в судебном заседании (ч. 5 ст. 319 УПК РФ); б) уголовное преследование прекращается, если до окончания предварительного следствия ущерб, причиненный бюджетной системе Российской Федерации в результате преступления, связанного с нарушением законодательства о налогах и сборах, возмещен в полном объеме (ст. 28.1 УПК РФ); в) уголовное преследование прекращается в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ); г) уголовное дело может быть прекращено в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ); вторая – материально-правовая: а) ходатайство обвиняемого о постановлении приговора без проведения судебного разбира-

¹ Косцов А. Европейский суд по правам человека. М.: Мартин, 2005. С. 284–287.

тельства при наличии согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ст. 314 УПК РФ); б) ходатайство подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ); в) особые правила назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств (ст. 62 УК РФ (в ред. Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ)); третья – процессуально-превентивная: а) применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства (ст. 11 УПК РФ); б) восстановление прав реабилитированных (гл. 18 УПК РФ).

Более подробно рассмотрим модель процессуального договора в стадии возбуждения уголовного дела. Процессуальные решения, принимаемые при возбуждении уголовного дела, отличаются от всей системы уголовно-процессуальных актов органов предварительного расследования. Это вытекает из процессуально-правовой и социальной значимости стадии возбуждения уголовного дела. Термин «возбуждение уголовного дела» можно встретить в исторических правовых актах России. В законодательстве большинства зарубежных стран отсутствует четкое обособление начального этапа уголовного процесса, и ему не придается такого значения, как, например, стадии производства в суде первой инстанции или стадии предварительного производства (УПК Германии, УПК Франции, Уголовно-процессуальный закон Латвийской Республики и др.). Федеральный закон от 20 марта 2001 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод» впервые внес в действующее уголовно-процессуальное законодательство изменения, направленные на демократизацию уголовного процесса на стадии возбуждения уголовного дела, на повышение значимости прав человека в соответствии с европейскими стандартами защиты прав и свобод человека¹. Кроме того, в соответствии с Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» осуществляются письменное уведомление лица о подозрении в совершении преступления, копию которого вручают подозреваемому и разъясняют ему его права в соответствии со ст. 46 УПК РФ, и допрос подозреваемого в течение трех суток (ст. 223.1 УПК РФ).

Процессуальный формат стадии возбуждения уголовного дела, максимальный срок которой увеличен до 30 суток, нуждается в детальном исследовании. Это связано прежде всего с субъектами данной стадии и системой процессуальных решений. Если компетентные органы государства, полномочные принимать в этой стадии какие-либо процессуальные решения, четко опреде-

¹ См. подробнее: *Нафиев С.Х., Васин А.Л.* Европейские стандарты обеспечения конституционных прав личности при расследовании преступлений. Казань, 1998. С. 48–49; *Курдюков Д.Г.* Индивидуальная жалоба в контексте Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Воронеж, 2001. С. 44–45.

лены (орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа, прокурор, суд), то статус некоторых участников этой стадии не определен (заявитель (он же будущий потерпевший), лицо, в отношении которого ведется проверка (он же будущий подозреваемый), адвокат заявителя и адвокат будущего подозреваемого). Появляются новые лица: редакция, главный редактор; лицо, предоставившее информацию (ч. 2 ст. 144 УПК РФ), и условия сохранения в тайне источника информации; специалист.

Появляются новые процессуальные ситуации – обязанность рассмотреть вопрос о возбуждении уголовного дела за заведомо ложный донос в отношении лица, заявившего или распространившего ложное сообщение о преступлении (ч. 2 ст. 146 УПК РФ). Кроме того, закон обязывает следователя осуществить меры попечения о детях и иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности имущества и жилища (ст. 160 УПК РФ).

Появляется система процессуальных решений в стадии возбуждения уголовного дела:

а) решения, принимаемые руководителем следственного органа, следователем и дознавателем: постановления – о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о передаче по подследственности, об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и о возбуждении уголовного дела; ходатайства – о продлении срока принятия решения по сообщению о преступлении, о продлении срока принятия решения по сообщению о преступлении;

б) решения, принимаемые прокурором: постановления – об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, об отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, об отмене постановления о прекращении уголовного дела, об отмене постановления о приостановлении предварительного следствия, о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании;

в) решения, принимаемые судом в стадии возбуждения уголовного дела: о признании постановления о возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, о признании постановления об отказе в возбуждении уголовного дела незаконным или необоснованным, о признании постановления прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным; о признании постановления руководителя следственного органа о возбуждении уголовного дела незаконным и необоснованным; заключение о наличии в действиях лица признаков состава преступления, заключение об отсутствии в действиях лица признаков преступления; о признании обжалуемых процессуальных решений законными и обоснованными. При признании процессуальных решений незаконными в стадии возбуждения уголовного дела суд вправе обязать устранить допущенные нарушения закона. При признании незаконными процессуальных дей-

ствий, которые перечислены в ч. 4 ст. 146 УПК РФ, суд вправе решить вопрос о признании недопустимыми доказательств, полученных в ходе обжалуемых процессуальных действий;

г) решения заинтересованных лиц (адвоката, заявителя, подозреваемого лица): жалобы, заявления, ходатайства;

д) процедурные решения иных субъектов – согласие Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого одного из лиц, обладающих процессуальным иммунитетом в порядке гл. 52 УПК РФ.

Таким образом, объем процессуальных полномочий и возникающие многосторонние правоотношения, система процессуальных решений и круг лиц, привлекаемых при разрешении правовых вопросов в стадии возбуждения уголовного дела, позволяют предложить разрешать их при помощи заключения различных процессуальных договоров: во-первых, применительно к отдельным видам производств, регламентированных УПК РФ; во-вторых, применительно к обеспечению защиты участников уголовного судопроизводства; в-третьих, применительно к обеспечительным охранным мерам в отношении детей, имущества и жилища; в-четвертых, применительно к соблюдению гарантий возмещения вреда потерпевшим и их наследникам.

References

Chelyshev M.Y., Valeev D.H. Issues of inter-industry linkages in the civil law concept of civil law in Russia // The role of civil rights in the current economic conditions in Russia and other CIS countries. Trends and Prospects. Proceedings of the international scientific conference: In 2 vols (Moscow, December 7–8, 2009) / Ed. by T.E. Abova. Vol. I. M., 2010. P. 65–75.

Korshunov N.M. The convergence of private and public law: problems of theory and practice. M., 2011. P. 228.

Valeev D.Kh. The agreement in the sectors civil process: an invitation to debate // Legal Science. 2007. No. 6. P. 65.

Handbook of bailiff: Manual / Ed. by Professor V.V. Yarkov. M., 2000. P. 304–309.

Kuzbagarov A.N., Kuzbagarova V.A. The reconciliation of the parties in the enforcement proceedings: Monograph. St. Petersburg, 2005. P. 8.

Kostyushin E.K. Civil enforcement proceedings in the transaction: Abstract of Dissertation. Candidate of Legal Sciences. Kazan, 2005. P. 12–13.

- Chelyshev M.Y.* The system of linkages of civil rights: civil study: Dissertation. Doctor of Legal Sciences. Kazan, 2008.
- Morozov S.Y.* Transport system of institutional contracts. M., 2011.
- Zaitsev O.A.* State protection of participants in the criminal process. M., 2003. P. 76.
- Golmsten A.H.* The principle of identity in a civil proceeding. St. Petersburg, 1884. P. 14–15.
- Rossinsky S.B.* A search in the form of a special operation. M., 2003. P. 137.
- Sidorkin A.I.* The penalties associated with deprivation and restriction of freedom in the Russian criminal legislation IX–XVII centuries: Problems of legal regulation, organize and use. Kazan, 2005. P. 11.
- Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: A Textbook for high schools. M., 2005. P. 476–477.
- Muradyan E.M.* The judiciary (in the context of the three codes of judicial proceedings): Monograph. M., 2003. P. 26.
- Brusnitsyn L.V.* Legal security of persons assisting in criminal justice: a temporary and subjective aspects // State and Law. 1998. No. 9. P. 55–56.
- Muratova N.G.* The system of judicial control in the criminal justice process: Theory, legislation and practice: Abstract of Dissertation. Doctor of Legal Sciences. Ekaterinburg, 2004. P. 27.
- Demidov I.F.* Provision of human rights in the fight against crime // Legitimacy of the Russian Federation. M., 1998. P. 143.
- Kurochkin S.A.* Agreement in civil process // Herald of Civil Procedure. 2012. No. 3. P. 52–72.
- Branovitsky K.M.* The procedural agreement in the doctrine of civil procedure Federal Republic of Germany // Arbitrazh and Civil Procedure. 2010. No. 12. P. 30–32.
- Beloglavek A.I.* Arbitration, ordre public and criminal law (interaction of international and national private and public law): In 3 vols. Vol. 1. Kiev, 2009. P. 174–178.
- Kostsov A.* The European Court of Human Rights. M., 2005. P. 284–287.
- Nafiev S.H., Vasin A.L.* European standards for ensuring the constitutional rights of individuals when investigating crimes. Kazan, 1998. P. 48–49.
- Kurdyukov D.G.* Individual complaint in the context of the European Convention on Human Rights and Fundamental Freedoms 1950. Voronezh, 2001. P. 44–45.